

ДЖЕЙН ДЖОНСОН

ДЕСЯТЫЙ СТЕЖОК

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Jane Johnson
THE TENTH GIFT
Copyright © Jane Johnson, 2008
Published in agreement with the author,
с/о BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.
All rights reserved

Перевод с английского И. Данилова
Серийное оформление и оформление обложки Т. Гамзиной-Бахтий

Джонсон Дж.

Д42 Десятый стежок : роман / Джейн Джонсон ; пер. с англ. И. Данилова. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 544 с. — (Терра инкогнита).

ISBN 978-5-389-29565-0

Старинный фолиант, посвященный вышивке, для Джулии Лавэт лишь прощальный подарок бывшего возлюбленного, дорогая безделушка, которую можно поставить на полку и забыть. Но однажды она открывает книгу и находит на полях чьи-то рукописные строчки. Это дневник девушки, жившей четыре века назад, которую звали Кэтрин. Она была служанкой, вышивальщицей, а затем пленницей берберских пиратов. Страница за страницей Джулия погружается в историю незнакомки. Кэтрин пишет о море и невольничьем рынке, о Марокко и людях, которые ее окружают, о любви, которая расцвела там, где, казалось, могла уцелеть только ненависть.

А потом случается нечто странное. Судьбы двух разделенных веками женщин начинают переплетаться. Джулия, сама того не желая, идет по следу Кэтрин. Из туманного Корнуолла — в жаркий Рабат. От собственного разбитого прошлого — к тайне, которую пыталась сохранить чужая рука на пожелтевших страницах. И там, среди базаров и минаретов, в городе, где время течет иначе, ее ждет не только разгадка древней истории.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© И. Данилов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-29565-0

Глава 1

*Достопочтенным лордам,
членам высокочтимого
Тайного совета Его Величества
Срочно, весьма срочно
Плимут, апреля 18-го дня 1625 года,
восемь часов пополудни*

С позволения ваших милостей почтительнейше доношу, что сегодня получил я сообщение о неких турках, маврах и голландцах, каковые стали появляться у наших берегов, грабя рыбацкие и купеческие суда. Сей рапорт был предоставлен сэром Уильямом Найтом, коему я склонен полностью доверять, поскольку два рыбацких судна, упомянутых в его депеше, были недавно обнаружены дрейфующими в море, не имея на борту ни людей, ни груза.

Помимо вышеуказанного, я получил достоверные сведения о том, что из Сале в Берберии готовы отплыть тридцать кораблей, дабы в начале лета предать грабежу и опустошению побережье Англии, и, ежели не будут приняты спешные меры для предотвращения сего, пиратские набеги могут принести нам множество бедствий.

Исходя из вышеизложенного я счел своим долгом предупредить о сем ваши милости.

*Остаюсь покорнейшим слугой ваших милостей,
Томас Сили, мэр города Плимута*

«На свете существует не так уж много основных сюжетов отношений между людьми, которые повторяются бесконечно, и всякий раз с такой страстностью и остротой, словно никогда раньше ничего подобного не случилось. А на самом деле это все те же пять нот, которые жаворонки поют на протяжении тысячелетий».

Я нацарапала это в своей записной книжке после прочтения одного романа, который одолела за предыдущую ночь, перед тем как собиралась встретиться с Майклом, и уже предвкушала, как вставлю эту сентенцию в нашу беседу за ужином, хотя заранее знала, как он отреагирует (наверняка негативно, даже резко отрицательно — он всегда скептически относился ко всему, что хотя бы отдаленно можно было бы считать «романтическим»).

Он преподавал в университете европейскую литературу и в свои лекции приносил незыблемые и непреклонные постструктуралистские установки, словно книги — это мясо, предназначенное для разделки на колоде мясника, — всего лишь мышцы и жилы, кости и хрящи, которые требуется ободрать, разделить и рассортировать.

Майкл же со своей стороны находил мое отношение к литературе как к предмету слишком эмоциональным и лишенным научной строгости. Это означало, что в самом начале отношений у нас произошел чрезвычайно яростный спор, который настолько задел меня лично, что почти довел до слез, но теперь, семь лет спустя, мы научились покусывать друг друга достаточно безболезненно. Как бы то ни было, в какой-то момент это внесло в наши отношения некоторое разнообразие и отвлекло от обсуждений (или уклонения от обсуждений) проблем с его женой Анной или нашего будущего.

Для начала следует заметить, что поначалу мне было довольно тяжело жить, видясь лишь урывками, нахо-

диться в состоянии полной неопределенности наших перспектив, но понемногу я привыкла к такому положению, так что ныне моя жизнь приобрела некоторую определенность и упорядоченность. Конечно, она стала несколько ограниченной, лишенной того, что многие считают неотъемлемой ее частью, но меня это вполне устраивало. Во всяком случае, именно так я твердила сама себе.

Кужину я оделась, продумав все до мелочей: блузка из жатого шелка, шитая на заказ черная юбка до колен, чулки (Майкл, как и следует ожидать от подобного человека, истинный мужчина в своих предпочтениях), замшевые туфли со шнуровкой по щиколотку, в которых мне с большим трудом удастся пройти полмили до ресторана и столько же обратно. И моя любимая вышитая шаль: яркие анютины глазки по тончайшему синему кашемиру.

Я всегда утверждала, что для того, чтобы стать хорошей вышивальщицей, нужно быть оптимисткой. Большая вещь (например, шаль) может потребовать от шести месяцев до года вдохновенного и целенаправленного труда. И упорства тоже. Даже упрямства, как у альпиниста: один осторожный и тщательно выверенный шаг за другим. Главное, не паниковать при мысли о том, насколько огромна стоящая перед тобой задача и насколько опасны скрытые провалы и снежные лавины. Вы, конечно, можете подумать, что я преувеличиваю трудности этого занятия: подумаешь, кусок ткани, иголка и нитка — ну что тут особенного? Но когда истратишь целое состояние на хороший отрез кашемира и еще столько же на шелк, или если несчастная девушка-заказчица уже на грани нервного срыва, потому что день свадьбы приближается, а вещь не готова, или если изделие планируется представить на выставке, а работа над ним едва начата и предстоит еще не только продумать дизайн и все спланиро-

вать, но и сделать тысячи стежков, — тут, могу вам точно сказать, напряжение становится весьма ощутимым.

Встретиться с Майклом мы должны были в «Энотека тури», популярном ресторане тосканской кухни, расположенном у южного конца моста Патни, — туда мы обычно отправляемся, когда желаем что-нибудь отпраздновать. Но сейчас никаких дней рождения не предвиделось, как и повышений по службе или публикаций; во всяком случае, мне ни о чем подобном известно не было. Повышения по службе лично мне ожидать трудно, поскольку у меня собственный бизнес; правда, само слово «бизнес» в известной мере является натяжкой по отношению к деятельности, осуществляемой одной-единственной женщиной в крошечном магазинчике товаров ручной работы в торговом комплексе «Севен дайалз». Для меня этот магазинчик был в большей мере потворством собственным увлечениям, чем средством зарабатывания денег. Пять лет назад умерла одна из моих тетюшек, оставив мне вполне приличное состояние. Пару лет спустя за нею последовала и мама, а я была единственным ребенком. В результате оплата аренды магазина свалилась на меня; договор на его аренду истекал менее чем через год, а я так еще и не решила, что делать, когда истечет этот срок. Я получала больше денег за счет комиссионных от реализации чужих работ, чем от продажи своих, поэтому можно сказать, что связанные с шитьем заботы были для меня в значительной степени просто способом убить время, делая стежок за стежком в ожидании следующего свидания с Майклом.

Я оказалась на месте слишком рано. Говорят, в отношениях между двумя людьми всю инициативу обычно берет на себя один; в нашем случае на мою долю приходится процентов семьдесят. Отчасти это результат сложившихся обстоятельств, отчасти темперамента, как моего, так

и Майкла. Он по большей части держится отстраненно от остального мира; я же всегда щедро выплескиваю эмоции.

Я села спиной к стене, разглядывая посетителей ресторана, словно зевака, забредший в зоопарк. В основном здесь были парочки лет тридцати и старше, такие же, как мы сами: хорошо зарабатывающие, хорошо одетые, говорящие на хорошем, правильном языке, пусть и слишком громко. До меня долетали обрывки разговоров:

— Как ты думаешь, что такое *fagioli occhiata di Colfiorito*?¹

— Как это грустно насчет Джастина и Элис... такая прелестная пара... и что они будут делать с домом?

— А как тебе идея поехать в следующем месяце в Марракеш? Или снова хочешь во Флоренцию?

Милые, нормальные, всем довольные люди, имеющие стабильную работу, достаточно денег и счастливые в браке; живущие размеренной, удобной, хорошо организованной жизнью. Не то что я. Я разглядывала их, плавающих в золотистом свете, и гадала, что могут подумать обо мне, сидящей рядом — в самом лучшем белье, новых чулках и в туфлях на высоких каблуках — и ожидающей, когда явится муж моей когда-то лучшей подруги.

«Вероятно, решат, что я жутко всем им завидую», — подсказал гадкий голосок у меня в голове.

Надеюсь, что нет.

Но где же, наконец, Майкл?! Уже двадцать минут девятого, а ему к одиннадцати надо быть дома, как он всегда подчеркивает. Быстрый ужин, поспешный перепихон — это самое большее, на что я могу надеяться; а может, и на это не стоит рассчитывать. Чувствуя, как убегают

¹ Пестрая фасоль из Кольфиорито, района в Центральной Италии (*um.*).

драгоценные секунды, я начала беспокоиться. Я не позволяла себе раньше подумать о причинах, подвигнувших его назначить встречу в «Энотеке». Ресторан был дорогой, в такие места не отправляются из одного только каприза; во всяком случае, не с жалованьем преподавателя на полставки, которое дополняет нерегулярная, от случая к случаю, перепродажа антикварных книг. Это не свойственно такому человеку, как Майкл, всегда очень сдержанному в расходах.

Я отвлеклась от этой загадки, заказав сомелье бутылку «Рокка рубина», после чего уселась поудобнее, обхватив ладонями бокал — гигантский, как кубок, прямо настоящая чаша святого Грааля, — и принялась дожидаться прибытия моего весьма посредственного и полного изъянов сэра Ланселота. В свете свечей содержимое бокала отсвечивало красным, прямо как свежая кровь.

И вот он, наконец, ворвался сквозь вращающуюся дверь — волосы взъерошены, щеки горят, словно бежал всю дорогу от станции метро «Патни». Майкл нетерпеливо задергал плечами, высвобождаясь из своего пальто, перекладывая атташе-кейс и черный пластиковый пакет из одной руки в другую в попытке побыстрее выпутаться из рукавов, и наконец подбежал к столику. Оскалившись в какой-то безумной улыбке, но избегая смотреть прямо в глаза, быстренько чмокнул меня в щеку и сел на стул, который услужливо пододвинул официант.

— Извини, я опоздал. Давай побыстрее все закажем, ладно? А то мне надо быть дома...

— ...к одиннадцати, помню. — Я подавила вздох. — Трудный день выдался?

Было бы совсем неплохо выяснить, зачем мы здесь оказались, так сказать, сразу перейти к сути дела, но Майкл с головой ушел в изучение меню, тщательно исследуя спи-

сок блюд и стараясь определить, какое из них обещает максимальную отдачу за назначенную за него цену.

— Да нет, не особенно, — наконец ответил он. — Обычные идиоты-студенты, сидят, как безмозглые овцы, и ждут, когда я набью им головы знаниями. Исключая одного излишне нетерпеливого всезнайку... старался выпендриться перед девицами, затеяв спор с преподавателем. Ну я его быстро поставил на место.

Я вполне могла себе представить, как Майкл «ставит на место» какого-нибудь наглого юнца, пронзая его сверлящим взглядом и безжалостно срезая в такой манере, которая гарантирует взрыв смеха со стороны студентов.

Женщины просто обожают Майкла. И с этим ничего не поделаешь. Дело то ли в мрачном выражении его лица (и в такой же манере поведения), вечных *louches*¹ шуточках, то ли в блеске сверкающих черных глаз, в жесткой складке около рта или в непрерывно порхающих руках, даже не знаю. Я давно утратила способность разбираться в подобных вещах.

Официант принял наш заказ, и у нас больше не осталось никаких предлогов для того, чтобы и дальше обмениваться дежурными репликами. Майкл протянул руку через стол и положил свою ладонь на мою, пригвоздив ее к белой скатерти. Мою руку пронзил знакомый электрический разряд сексуального подъема, по всему телу волной прошло возбуждение. Майкл смотрел на меня очень строго, даже торжественно — настолько торжественно, что мне захотелось рассмеяться. Он сейчас выглядел словно нашкодивший Пак², решивший покаяться в своих гнусных прегрешениях.

¹ Двусмысленный (*фр.*).

² Персонаж комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь», проказливый чертенок.

— Мне кажется, — осторожно начал он, уперев взгляд в какую-то точку в паре дюймов слева от меня, — что нам следует прекратить встречаться. По крайней мере на некоторое время.

Ну вот, дождалась! Смех, который давно уже копился у меня внутри, вырвался наконец наружу, совершенно не к месту. Я заметила, что все оборачиваются в нашу сторону.

— Что ты сказал?

— Ты еще молода, — продолжал он. — Если мы расстанемся теперь, вполне сможешь найти себе кого-то другого. Устроиться. Завести семью.

Майкл терпеть не мог даже говорить о детях. И тот факт, что он навязывал их мне, лишний раз подтвердил, что он решил порвать со мной.

— Мы оба уже не слишком молоды, — резко возразила я. — Тебя это касается в первую очередь. — Тут рука Майкла неосознанным жестом потянулась ко лбу. Он уже начал терять волосы, и у него хватало тщеславия и суетности, чтобы беспокоиться на этот счет. Я все последние годы твердила ему, что это не так уж заметно; некоторое время спустя, когда это утверждение стало звучать все более фальшиво, я начала говорить, что так он выглядит гораздо более утонченно и сексуально.

Официант принес заказанные блюда. Ели мы в полном молчании. Вернее, ел в основном Майкл; я же главным образом просто передвигала вилкой по тарелке кушочки краба и *linguine*¹ и все время пила вино.

Наконец тарелки опустели, после чего мы остались сидеть практически в пустоте. Майкл усталился на ска-

¹ Блюдо итальянской кухни, род длинной и тонкой лапши (*um.*).

терть, словно само окружающее нас пространство таило какую-то угрозу, потом вдруг странно оживился.

— Вообще-то я кое-что тебе принес, — сообщил он. Взял свой пакет и заглянул внутрь. Я успела заметить, что там лежат два предмета, завернутые в коричневую упаковочную бумагу, почти одинакового размера, словно он купил не один, а целых два прощальных подарка для двух разных женщин. Может, именно так оно и было.

— Боюсь, ее не слишком хорошо завернули. Времени не было, такой уж выдался день. — Он подтолкнул один из этих предметов через стол ко мне. — Но главное — это сам подарок. Нечто вроде *memento mori*, типа извинения, — добавил он со своей кривой и чувственной улыбочкой, которая так на меня подействовала еще при первой нашей встрече. — Мне очень жаль, понимаешь... Ты уж прости меня... за все.

Ему и впрямь было за что просить прощения, но я не чувствовала сейчас в себе сил, чтобы это ему сказать. *Memento mori*, помни о смерти. Эта фраза рикошетом отразилась от стенок моего черепа. Я осторожно развернула бумагу, чувствуя, как крабовое мясо под соусом чили переворачивается в желудке.

Внутри оказалась книга.

Старинная книга в переплете из коричневой телячьей кожи с простыми украшениями в виде тисненых линий на обложке и с четырьмя приподнятыми и закругленными ребрами на корешке, на равном расстоянии друг от друга. Мои пальцы с удовольствием скользнули по переплету, словно это была кожа живого существа. Выкинув из головы все ужасные слова, только что услышанные от Майкла, я занялась книгой: осторожно приподняла крышку обложки, стараясь, чтобы не треснул хрупкий

корешок. Открывшаяся титульная страница оказалась выцветшей и покрытой бурыми пятнами.

«Гордость рукодельницы» — было напечатано на ней крупными буквами, а ниже более мелко, курсивом: *«Здесь приведены некоторые изящные узоры и образцы для надлежащего и аккуратного вышивания золотой или серебряной нитью, а также шелком или шерстяной пряжей, как вам будет угодно и удобно. Образцы собрал и опубликовал впервые Генри Уорд из Эксетера, Кафедрал-сквер, в 1624 году».*

А под этим округлым и неустойчивым почерком было добавлено: *«Маей кухне Кэт, 27 мая 1625 года».*

— Ох! — воскликнула я, сраженная древностью и великолепием книги.оборот титульного листа был украшен изящными виньетками. Я повернула его к свету в тщетной попытке разглядеть узор более подробно.

Майкл, кажется, сказал что-то еще, но его слова пролетели мимо моих ушей.

— Ох! — снова воскликнула я. — Как необычно!

Пауза. Я ощутила, что над столиком повисло тяжелое молчание, какое требовало хоть какой-то реакции.

— Ты слышала хоть что-то из того, что я тебе говорил?

Я молча уставилась на него, не желая отвечать.

Его черные глаза вдруг стали почти карими. Из них так и сочились жалость.

— Мне очень жаль, Джулия, — повторил он. — Мы с Анной достигли некоей критической точки в отношениях, и на днях у нас вышел очень откровенный разговор. Решили попробовать восстановить наш брак, начать все сначала. Я не могу больше с тобой встречаться. Между нами все кончено.

* * *

Я лежала в постели, одна, свернувшись клубочком и зажав в руках эту книгу — последний в моей жизни подарок Майкла; вещь, которая еще долго будет напоминать мне о нашей связи. Лежала и всхлипывала. Усталость наконец победила, но сон оказался еще хуже, чем бодрствование: мне снились кошмары. Я просыпалась в полтретьего, в три, потом в четыре, и в голове крутились обрывки сновидений — кровь и раздробленные кости, некто вопящий от боли, выкрики на языке, которого я не понимала... И самым живым впечатлением была цепочка видений: меня, голую, провели перед толпой незнакомых мужчин, те смеялись, указывая на недостатки моей фигуры, которых было немало. Одним из зевак был Майкл. На нем был длинный плащ с капюшоном, но я узнала голос, когда он заговорил:

— А у этой нет груди! Зачем вы привели мне женщину, у которой нет груди?

Я проснулась вся в холодном поту, сгорая от стыда, — жалкое создание, но совершенно не заслуживающее такой судьбы.

При всем при том, униженная и растоптанная, я ощущала какую-то странную отстраненность от виденного, словно это не я подвергалась поруганию и осмеянию, а какая-то совсем другая Джулия Лавэт, далекая и почти незнакомая.

Потом я снова задремала; если мне и снилось что-то еще — ничего не помню. А когда я проснулась окончательно, то обнаружила, что лежу прямо на книге. «Гордость рукодельницы» оставила у меня на спине все четыре отметины от тиснения, как шрамы.

Глава 2

В дверь позвонили. Майкл пересек комнату, подошел к окну и выглянул. На улице перед входом стоял мужчина, неуклюже переминаясь, словно ему приспичило в туалет. Одет он был слишком тепло для сегодняшней погоды: в старое шерстяное пальто и вельветовые брюки. Занимая выгодную для обозрения точку, с высоты птичьего полета Майкл впервые заметил, что макушка Стивена почти облысела, если не считать прикрывавшего ее зачеса типа «внутренний заем», — прядь выглядела так, словно ее приклеили. В этой части Сохо Стивен выглядел просто комически. Здесь молодые люди обычно разгуливают по улицам в облегающих рубашках, демонстрируя мускулатуру, в драной джинсе или в коже, светясь понимающими улыбочками, а туристы в поисках сильных ощущений, которые им не дано испытать самим, с опаской заглядывают сюда максимум на часок.

В те времена, когда Майкл только перебрался на эту квартиру, Олд-Комптон-стрит была совсем не такой оживленной и опасной. Теперь же, глядя на молодежную жизнь, кипящую внизу, он чувствовал себя так, как будто подглядывает в щелку за вечеринкой, на которую его ни за что не пригласят: он для этого слишком стар и слишком трезв. Особенно теперь, когда он вернулся на прежнюю стезю и снова стал играть роль верного мужа.

— Стивен! — крикнул он из окна и, когда тот поднял голову, прикрывая глаза от солнца, бросил ему связку ключей: — Держи! Верхний этаж.

На этой связке не только мои ключи, но и ключи Джулии, подумал Майкл уныло, когда бросал их вниз. Надо было бы вернуть их ей, раз уж все кончено. Но их последнее свидание было таким... словно поставило финальную точку в их отношениях.

Появление Стивена Байютера прервало его размышления.

— А ты мог бы и забежать ко мне в магазин, — с упреком заявил Стивен, вытирая пот со лба. — Можно подумать, что до Блумсбери¹ отсюда далеко топать. — Он с трудом выбрался из своего тяжелого пальто, словно демонстрируя, как нелегко ему пришлось.

— Не хотелось, чтобы нам кто-то помешал, — быстро ответил Майкл. — Сейчас сам все поймешь. Присядь...

Он сдвинул кипу газет и учебников с сиденья вытертого дивана, очищая место для гостя. Стивен Байютер с большим сомнением осмотрел вытертую до основы и покрытую пятнами тканевую обивку, словно опасался прикоснуться к ней своей задницей, потом, с трудом сохраняя равновесие, примостился на краешке, выставив вперед костистые руки и ноги и напоминая при этом богомола.

— Ты не пожалеешь, что пришел, — возбужденно продолжал Майкл. — Взглянешь и сразу все сам поймешь. Это совершенно необыкновенная вещь, настоящее сокровище, уникальная штука! Да что я разглагольствую! Посмотри!

¹ Район в центре Лондона, где расположены Лондонский университет и Британский музей; здесь же проживает и работает значительная часть творческой интеллигенции.

Он достал из черного пластикового пакета небольшой предмет, завернутый в коричневую бумагу, и положил на кофейный столик. Гость осторожно развернул упаковку и вынул немного выцветшую книгу в переплете из телячьей кожи с золотыми блестками, оставшимися от тиснения на корешке. Пробормотав что-то восхищенное, он перевернул книгу, осмотрел спинку обложки, потрепанный обрез, блок и переплет.

— Прекрасная вещь. Шестнадцатый — семнадцатый век. — Он с особой осторожностью раскрыл обложку, перевернул титульный лист.

— Тысяча шестьсот двадцать четвертый год. Замечательно! «Гордость рукодельницы». Я о ней, конечно, слышал, но в руки мне она никогда не попадала. Великолепная книга! Немного запачкана, есть следы использования, но в целом просто в отличном состоянии. — Он улыбнулся Майклу, показав зубы, желтые, как у крысы. — Можно заработать несколько гиней, загнав ее какому-нибудь коллекционеру. Где, говоришь, ты ее добыл?

Майкл ничего такого вовсе не говорил.

— Да у приятеля одного. Он распродает имущество своего родственника. — Это была не вся правда. — Загляни внутрь, — нетерпеливо сказал он. — Книга гораздо более интересная и необычная, чем можно подумать...

Майкл с жадным интересом наблюдал, как букинист дует на страницы, аккуратно отделяя одну от другой и корча при этом разнообразные гримасы.

— Ну что ж, всё на месте — вклейки с иллюстрациями, ляссе¹.

Майкл был поражен:

¹ Узкая ленточка или тесьма, прикрепленная к верхней части переплета книги и служащая закладкой.

— И это все, что ты можешь сказать?! Посмотри как следует, это ж уникальная вещь... палимпсест!¹ Разве сам не видишь записи от руки, на полях и между рисунками? Их, конечно, трудно разглядеть, это правда, но уж ты-то мог бы и заметить!

Байуотер нахмурился и снова принялся рассматривать книгу. В конце концов он закрыл ее и удивленно уставился на приятеля:

— Да нет, старина, никакой это не палимпсест. Это же бумага, а не пергамент. И нет на ней никаких следов соскребывания и никакого *scriptio inferior*², ничего подобного. Маргиналии³ — да, есть, но это ж совсем другое дело! Сам должен понимать. Да, маргиналии, написанные собственной рукой автора, — это, несомненно, повысит цену книги, возможно, даже удвоит ее...

— Да не рукой автора, идиот! Там записи, оставленные какой-то девушкой! Это ж уникальный исторический документ, вероятно, бесценный! Очки надень...

Майкл грубо выхватил книгу у букиниста, открыл наугад и вдруг нахмурился. Затем судорожно перелистал несколько страниц, словно надеясь, что записи, обнаруженные им вчера, каким-то магическим образом могут возникнуть вновь.

Минуту спустя он положил книгу на столик и бросился к телефону. Лицо его напоминало грозовую тучу.

¹ Древняя рукопись на пергаменте, с которой соскребли прежний текст, чтобы сделать новую запись.

² Оригинальный, стертый текст в рукописи-палимпсесте.

³ Рисунки и записи на полях книг, рукописей.

Глава 3

Анну, жену Майкла, я знала еще с университетских времен. Мы тогда называли себя «трое amigos¹» — я, Анна и моя кузина Элисон — и при этом так сильно отличались друг от друга, насколько такое вообще можно себе представить. Если Анна была маленькой, похожей на куколку, то мы с Элисон являли собой мощных представительниц корнуоллского племени, возвращенных на молочных продуктах и мясных пирогах. Когда я распускала свои белокурые волосы, то вполне могла сидеть на них. Анна носила короткую черную модельную стрижку; волосы Элисон были длиной до плеч, и они поочередно бывали темно-каштановыми, цвета красного дерева, ярко-оранжевыми, а потом снова каштановыми — это зависело от того, чем она в данный момент увлекалась: английской литературой или драматическим искусством. Все вместе мы являли собой эдакое символическое подразделение, готовое пробиться сквозь все преграды и препоны учебы в университете и трудности на первых наших рабочих местах по его окончании.

Анна начала работать в книжном магазине, Элисон занялась преподаванием, а я пыталась найти свое место в жизни, меняя бары и кафе.

Мы с Элисон в последующие годы веселились на всю катушку — частенько напивались, напропалую траха-

¹ Друзей (*исп.*).

лись, а вот Анна тщательно выстраивала свою жизнь, аккуратно претворяла намеченные планы. Она сумела собрать воедино все нити своего прежнего опыта и целенаправленно соткать из них нечто полезное. Она трудилась изо всех сил, и это скоро начало давать плоды. Теперь она успешный редактор журнала мод, ее зарплата представляет собой астрономическую цифру, хотя по иронии судьбы она была единственной из всех нас, кто, в общем-то, никогда особо не нуждался в деньгах. Ее семья была достаточно богатой, если судить по тому, что мне удалось узнать, хотя сама Анна всегда оставалась скрытной. Она не распространялась насчет своего происхождения и вообще держалась скромно на фоне всех наших с Элисон финансовых катаклизмов, случавшихся очень часто и всегда чрезвычайно шумных.

После колледжа мы, конечно же, разбежались в разные стороны, что, я полагаю, было неизбежно. Элисон познакомилась с Эндрю и вышла за него — это для начала. Должна признаться, Эндрю никогда мне не нравился. Он был из породы таких вечно румяных любителей регби, добродушный и чрезвычайно самоуверенный тип, способный в любой момент цапнуть тебя за коленку или за что-нибудь еще прямо посреди разговора. Зависело это только от того, насколько он на данный момент бухой. И еще у него было совершенно похабное чувство юмора, и он был неспособен смущаться. Элисон была с ним очень счастлива, по крайней мере некоторое время, и я сделала все от меня зависящее, чтобы с ним подружиться. Они всегда готовы были принять и утешить, после того как у меня в очередной раз было разбито сердце очередным неподходящим кандидатом в мужья.

Меня отпаивали спиртным, Элисон всякий раз с негодованием поглядывала на Эндрю, когда тот пытался

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ДЖЕЙН ДЖОНСОН
ДЕСЯТЫЙ СТЕЖОК

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 04.06.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 28,56. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

R-TER-38683-01-R